

ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. Д. АПРЕСЯН

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ГЛАГОЛЫ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И СВОЙСТВА *

1. Общая характеристика

Интерпретационными называются глаголы и глагольные выражения типа *бросать тень (на кого-л.), вредить, выгораживать (кого-л.), выручать (кого-л.), грешить, давить (на кого-л.), злоупотреблять, издеваться (над кем-л.), карать, клеветать (на кого-л.), кривить душой, мешать (кому-л.), нарушать дисциплину, обелять (кого-л.), ошибаться, подводить (кого-л.), подерживать (директора), позориться, покровительствовать (кому-л.), поощрять, попустительствовать, портить, поступать неправильно (правильно), потакать (кому-л.), потворствовать (кому-л.), превышать (полномочия), предавать (кого-л.), пренебрегать, промахнуться (Ты промахнулся с этим делом), просчитаться, противодействовать, распускать (кого-л.), распускаться (о поведении), ронять достоинство, совершать преступление, содействовать, способствовать, терять лицо, унижаться и т. п. Сами по себе они не обозначают никакого конкретного действия или состояния, а служат лишь для какой-то интерпретации (квалификации) другого, вполне конкретного действия или состояния ¹.*

* Данная работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 02-04-00306а), РФФИ (грант № 02-06-80106), Президента РФ на поддержку ведущих научных школ (грант № НШ-1576.2003.6) и Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте», раздел 4.15. Она обсуждалась на заседании Сектора теоретической семантики ИРЯ РАН 18.12.03. Всем участникам обсуждения – В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаевой, О. Ю. Богуславской, М. Я. Гловинской, Б. Л. Иомдину, Т. В. Крыловой, И. Б. Левонтиной, А. В. Санникову и Е. В. Урысон — автор выражает признательность за ценные критические замечания.

¹ Как справедливо заметила в свое время А. Вежбицка, любое высказывание по самой природе вещей в той или иной степени интерпретационно. Если, например, человек только взялся за ручку двери, а мы говорим *Он открывает дверь*, мы в какой-то мере опережаем события и интерпретируем как уже реализованное всего-навсего его *намерение*. Такую интерпретацию и такого интерпретатора событий уместно называть тривиальными, поскольку они предполагаются в любом высказы-

Поясним это описание анализом типичных употреблений интерпретационных глаголов и глагольных выражений. В разных случаях человек X может сказать человеку Y «*Вы сегодня прекрасно выглядите*» или «*Таня вас любит*», может подать Y-у палто или произвести какое-то другое конкретное действие. Ответом Y-а во всех этих случаях может быть высказывание «*Вы надо мной издеваетесь*». Такой ответ уместен, если, скажем, сам Y думает, что сегодня выглядит плохо, или что Таня его не любит, или что X не может быть серьезен, подавая ему палто, потому что у Y-а по сравнению с ним нет никаких преимуществ статуса, возраста или пола. Ср. также такие конкретные действия, как *соблазнить*, *украсть*, *поесть мяса в пост*, типизируемые в виде *согрешить*; *огрابتь*, *оставить боевой пост*, *разгласить государственную тайну*, типизируемые в виде *совершить преступление*; и т. п. Как видим, человек может интерпретировать как одинаковый тип поступков очень разные конкретные действия, в том числе не имеющие ничего общего друг с другом.

При этом сами конкретные действия, служащие основанием для этических, юридических или иных квалификаций, в обоих случаях представляются как уже имевшие место. Поэтому даже в форме НЕСОВ НАСТ при референции к моменту речи большинство интерпретационных глаголов имеют не актуально-длительное, а перфективное значение². Ср., в дополнение к приведенным примерам, *Вы ошибаетесь (предаете общие интересы, поступаете низко)* — уже сделали нечто такое, что можно считать ошибкой, предательством общих интересов, низостью.

Впервые интерпретационное значение в указанном смысле было описано М. Я. Гловинской, которая истолковала его следующим образом: «До момента речи имело место конкретное единичное действие; говорящий, имея в виду это прошлое действие или его результат, в момент речи интерпретирует это действие как некий тип поведения». В более формализованном виде это толкование выглядит следующим образом: «Говорящий, имея в виду прошлое действие P, в момент речи интерпретирует P как тип поведения R» ([Гловинская 1989: 113]; см. также [Гловинская 1986: 30] и [Гловинская 2001: 193—194]). Здесь названы четыре важных свойства интерпретационного значения, которые в совокупности исчерпывают его существо: а) интерпрета-

вании и, тем самым, не специфичны для конкретных лексем. В этом отношении тривиальный интерпретатор похож на тривиального говорящего и тривиального наблюдателя, имплицитная ссылка на которых предшествует любому высказыванию. Между тем интерпретация в интересующем нас смысле — это особый семантический компонент в толкованиях лишь некоторых глагольных лексем. Разумеется, между этими двумя полюсами, как всегда в языке, располагается широкая полоса промежуточных случаев. Они обсуждаются в разделе 5.

² Ниже будет показано, что перфективность свойственна прототипическим представителям интерпретативов и может ослабляться, вплоть до полного снятия, на периферии этого семантического класса.

ционное значение как таковое принципиально двухактантно — ср. переменные P и R в его толковании³; б) оба актанта суть предикаты; в) предикат P обозначает конкретное действие, а R — тип поведения⁴, т. е. имеет место типизация; ср. возведение конкретного поступка в ранг преступления в случае *Передав японцам эту техническую документацию, он совершил государственную измену*; г) интерпретация всегда принадлежит говорящему.

Во всех трех работах интерпретационное значение анализируется как разновидность более общего значения ‘единичное действие в прошлом, достигшее результата’ — наряду с настоящим историческим, настоящим непосредственно предшествующего действия (*Мама зовет обедать*), настоящим экспозиционным (*Дарвин учит, что эволюция видов определяется тремя факторами*) и т. п., т. е. как грамматическое (видо-временное) значение формы НЕСОВ НАСТ. Принимая в целом анализ М. Я. Гловинской, я бы хотел заметить, что трактовка интерпретационного значения, как грамматического значения формы НЕСОВ НАСТ создает одну трудность.

Прежде всего, интерпретационное значение в принципе совместимо с другими видо-временными значениями этой формы. Ср. следующие примеры: *Он возвращается из мест заключения, устраивается на работу, но вновь совершает преступление и попадает на скамью подсудимых* (настоящее историческое) и *Он постоянно нарушает дисциплину* (подводит коллег) (узуальное). Если бы интерпретационное значение было грамматическим значением формы НЕСОВ НАСТ, оно не могло бы совмещаться с другими грамматическими значениями той же формы без определенного стилистического (каламбурного или иного игрового) эффекта. Очевидно, что в приведенных примерах такого эффекта нет.

Кроме того, интерпретационное значение сохраняет четыре отмеченных выше конституирующих свойства и в формах, отличных от формы НЕСОВ НАСТ. Ср. *Мастер ошибался* [НЕСОВ ПРОШ], *когда с горечью говорил Иванушке, — что она [Маргарита] позабыла его* (М. Булгаков), *Он просчитался* [СОВ ПРОШ], *поехав на автобусе*.

Поэтому представляется более естественным трактовать интерпретационное значение как лексическое, а не грамматическое значение глагола.

³ Из этого, конечно, не следует, что все интерпретационные глаголы тоже двухактанты. В рассматриваемом толковании сам интерпретационный глагол представлен предикатом R, который может быть и многоактантным; ср. *А карает* (поощряет) *В за С X-ом*, *А мешает* (помогает) *В в С X-ом* и тому подобные глаголы. У перечисленных глаголов конкретное действие, составляющее предмет интерпретации, является четвертым актантами и представлено переменной X.

⁴ Данная формулировка не вполне точная: P может обозначать не только действие, но и состояние (*зablуждаться*, *ошибаться* в некоторых употреблениях), а иногда даже и деятельность (*покровительствовать*, *содействовать*); соответственно R обозначает не тип поведения, а тип действий, тип состояний или тип деятельности. См. обсуждение этого вопроса в разделе 2.

Именно таким образом оно рассматривалось в моих работах, начиная с курса лекций на Летней лингвистической школе в Праге в июне 1991 г.; см. также [Апресян 1997: XX] и [Апресян 1999]⁵. Аналогичную трактовку находим в работах [Зализняк 1991] и [Падучева 1996].

Тем самым интерпретационные глаголы оказываются особым лексико-семантическим классом фундаментальной классификации предикатов⁶. Иными словами, они имеют приблизительно такой же статус, как глаголы со значением действия (*писать, идти*), деятельности (*торговать, воевать*), поведения (*баловаться, хулиганить*), занятия (*играть, гулять*), воздействия (*размывать, прогревать*), процесса (*расти, гореть*), проявления (*светить, звучать, пахнуть*), положения в пространстве (*стоять, сидеть*), состояния (*знать, хотеть*), свойства (*заикаться, виться*), параметра (*вмещать, насчитывать*), существования (*бывать, водиться*) и другие подобные. В частности, как и другие классы из этого списка, интерпретационные глаголы характеризуются комплексом внутренне согласованных синтаксических, морфологических, просодических и других лингвистически релевантных свойств, имеющих один общий семантический источник. В сущности, он уже был упомянут, но сейчас уместно сделать на нем акцент.

Вопреки евангельской заповеди «Не судите, да не судимы будете», человек в своей языковой деятельности постоянно занимается оценкой своих ближних, используя для этого готовую систему весьма общих этических, религиозных, юридических, логических и иных правил, норм, заповедей, в той или иной мере узаконенных в данном обществе. Отклонение от них, их превышение или — гораздо реже — соблюдение получает специальные наименования: *грех, измена, обман, ошибка, подвиг, помощь, предательство, преступление, проступок* и т. п. Интерпретация в интересующем нас смыс-

⁵ Разночтения между Апресян 1999 и данной работой следует трактовать в пользу последней.

⁶ Мы называем фундаментальной классификацию предикатов, которая именуется также вендлеровской, классификацией Маслова-Вендлера, таксономической и т. п. С самого начала и вплоть до последнего времени она разрабатывалась преимущественно для нужд аспектологии; см., например, [Кошмидер 1962] (он открыл не только перформативы, но и моментальные глаголы, см. *op. cit.*, с. 107), [Маслов 1948], [Вопросы 1962], [Vendler 1967], [Lakoff 1970], [Miller 1970], [Бондарко 1971], [Comrie 1976], [Lyons 1977], [Mehlig 1981], [Булыгина 1982], [Гловинская 1982], [Селиверстова 1982], [Падучева 1985], [Guiraud-Weber 1988], [Арутюнова 1988], [Князев 1989], [Падучева 1996] и многие другие работы. На самом деле основные классы этой классификации имеют гораздо более универсальный характер. Они существенны не только для категории вида, но и для других грамматических категорий глагола, в частности, залога и наклонения. Более того, они определяют многие синтаксические, сочетаемостные и коммуникативно-просодические свойства глаголов, а также характерные для них словообразовательные типы и структуры многозначности; см. об этом Апресян 2003. Такую классификацию естественно именовать фундаментальной.

ле представляет собою в конечном счете квалификацию конкретного действия или состояния человека с помощью этой готовой номенклатуры обобщенных ярлыков, т. е. подведение частного случая под общий случай особого рода.

2. Семантическая структура интерпретационных глаголов

Значение прототипических интерпретационных глаголов складывается из двух основных частей — пресуппозитивной и ассертивной. В первую входит предикат Р, часто лишь подразумеваемый. Ассерцию образует остающаяся часть значения предиката R, т. е. самого интерпретационного глагола.

На основании имеющегося у нас материала можно предположить, что на позиции Р и R накладываются определенные семантические ограничения. Как уже было сказано, обе позиции могут заполняться главным образом предикатами со значением действия или состояния, реже — деятельности. Более точно, чаще всего интерпретируются либо чьи-то физические, речевые или ментальные действия, либо мнения человека, т. е. его контролируемые ментальные состояния.

При этом предикаты Р и R обычно семантически согласованы друг с другом: если Р — акциональный предикат, то и R — акциональный предикат, а если Р — стативный предикат, то и R — стативный предикат. Ср. *Вы очень мешаете [R] мне своими репликами [P]* (Р и R — акциональные предикаты); *Вы ошибаетесь [R], если думаете [P], что он подчинится приказу* (Р и R — стативные предикаты, причем Р (думаете) — контролируемое состояние). Такое правило согласования объясняется самой природой типизации: нельзя подводить конкретное состояние под тип действий или конкретное действие под тип состояний.

Ниже предлагаются эскизные толкования ряда интерпретационных глаголов и глагольных оборотов, построенные с учетом этих соображений.

Х роняет достоинство, делая P = 'X сделал P [пресуппозиция]; говорящий считает, что P относится к классу действий, показывающих, что человек, который их совершает, не ценит свою личность [ассерция]' ⁷.

Х совершает грех, делая P = 'X сделал P [пресуппозиция]; говорящий считает, что P относится к классу действий, которые Бог запрещает людям совершать [ассерция]'.

Х поощряет Y-а, делая P = 'X сделал P [пресуппозиция]; говорящий считает, что P относится к классу действий, показывающих, что человек, который их совершает, одобряет действия или деятельность другого человека и хочет побудить его продолжать действовать так же [ассерция]'.

⁷ См. подробное описание слова *достоинство* и его синонимов в работе [Санников 2003].

Х ошибается, думая, что Р = ‘Х думает, что Р [пресуппозиция]; говорящий считает, что Р относится к классу мыслей, которые возникают у людей, когда они не знают фактов или не понимают их [ассерция]’.

Специфика семантической структуры интерпретационных глаголов отражена в двух особенностях приведенных толкований:

1) сентенциальная форма отражает прототипические употребления интерпретационных глаголов. Прототипическими для них считаются употребления, в которых соблюдены следующие два условия: а) в них есть указание на конкретное действие или состояние Р; б) сам интерпретационный глагол R в форме НАСТ НЕСОВ имеет референцию к моменту речи, т. е. используется не в узуальном, многократном или другом подобном значении. Если эти условия не соблюдены, семантическая структура глагола перестраивается – пресуппозиция переходит в ассертивную часть толкования. Ср. *Х никогда не ошибается* ≈ ‘Х никогда не думает ничего такого, что говорящий считал бы неправильным’. Это и понятно: поскольку нет ссылки на конкретное действие или состояние, исчезает сам предмет интерпретации, и семантическая специфика интерпретативов смазывается;

2) у интерпретационных глаголов ассерцией является модальная рамка, т. е. фрагмент толкования ‘говорящий считает, что ...’. Именно этот фрагмент подвергается отрицанию; ср. *Х не ошибается, думая, что Р* = ‘Х думает, что Р; говорящий не считает, что Р относится к классу мыслей, которые возникают у людей, когда они не знают фактов или не понимают их’.

3. Интерпретативы и их ближайшие соседи

3.1. Подклассы интерпретативов

Для удобства обзора класс интерпретационных глаголов с некоторой долей условности можно разбить по типу интерпретации на следующие основные подклассы ⁸:

⁸ Мы используем в качестве материала только глаголы, потому что именно они являются прототипическим манифестантом интерпретационного значения. Это не значит, конечно, что в других частях речи интерпретационные предикаты невозможны. Ср., например, интерпретационные существительные *ошибка, заблуждение, преувеличение; нарушение, беззаконие; грех, искушение, соблазн; потворство, баловство, попустительство; измена, предательство; обман, инсинуация*. Для интерпретационных существительных весьма типичны, хотя и не являются универсальными, присвяточные конструкции, в которых существительное выполняет функцию предикатива, а ИНФ со значением конкретного квалифицируемого действия — функцию подлежащего. Замечательно при этом то обстоятельство, что само существительное непосредственно инфинитивом не управляет, хотя инфинитив и представляет его семантический актант. Ср. *Грех столько пить, Говорить об этом было ошибкой (грехом, предательством)*, но не **ошибка (грех, предательство) говорить об этом*.

а) этическая интерпретация (самая многочисленная группа): *помогать, воскрешать, выгораживать, выручать, покровительствовать; губить, убивать, заваливать <топить> (на экзамене); подводить (кого-л.), предавать (кого-л.); потворствовать, попустительствовать; баловать, портить (ребенка); терять лицо, ронять достоинство; оскорблять, унижать, обижать; издеваться, надругаться; наказывать, мстить, поощрять; злоупотреблять (доверием);*

б) юридическая и религиозная интерпретация: *нарушать правила, превышать полномочия, злоупотреблять властью; преступать закон, совершать преступление, совершать правонарушение; грешить, совершать грех; искушать, соблазнять;*

в) логическая, или истинностная интерпретация: *ошибаться, заблуждаться, обманываться, обманывать себя, просчитаться; преувеличивать, делать из мухи слона, преуменьшать; недооценивать, переоценивать;*

г) утилитарная интерпретация: *выигрывать, проигрывать (Так вы только проигрываете во мнении коллег); (по)горячиться, (по)торопиться (Он немного поторопился, раззвонив повсюду о своем новом назначении); оплошать, сплеховат, опростоволоситься, промахнуться;*

д) комбинированные интерпретации (чаще всего комбинируются этическая и логическая квалификация действия): *изображать в черном цвете, очернять; приукрашивать, лакировать, обелять, представлять в розовом свете; обманывать, клеветать, кривить душой.*

Как ясно из приведенных здесь примеров, интерпретативы соприкасаются с несколькими классами предикатов — действиями (*наказывать, помогать, поощрять*), состояниями (*ошибаться, переоценивать*), оценками (*ютиться, всучить*), поведением (*баловаться, дебоширить, капризничать, привередничать, скандалить*) и другими. Иногда, например, в случае оценок и поведений, соседство весьма близкое. Однако даже в таких случаях между прототипическими представителями классов сохраняются важные различия.

3.2. Интерпретативы и оценки

Главное различие между интерпретационными и оценочными глаголами состоит в разных логических статусах семантических компонентов, описывающих действие (состояние) и его квалификацию. В интерпретационных словах, как было показано выше, указание на конкретное действие образует пресуппозицию, а квалификация этого действия говорящим – ассерцию (см. выше). В оценочных словах указание на определенное действие составляет ассерцию, а оценка образует модальную рамку. Рассмотрим два типичных оценочных глагола.

Всучить = ‘дать [ассерция]; говорящий плохо оценивает поступок дающего или объект передачи или хочет, чтобы адресат так их оценивал [модальная рам-

ка]’. Ср. *Роль плохого следователя Лебедь всучил Пуликовскому, роль хорошего — естественно, взял себе* («Итоги», 27.08.96).

Ютиться = ‘жить, занимая в помещении меньшее пространство, чем нужно для нормальной жизни [ассерция]; говорящий плохо оценивает условия, в которых субъекту приходится жить, или хочет, чтобы адресат так их оценивал [модальная рамка]’. Ср. *Но Грозный обстреливался, люди ютились в подвалах, без воды и света* («Итоги», 27.08.96).

Эта семантическая структура характерна для большого пласта так называемой пропагандистской лексики, особенно ряда советизмов; ср. лексемы типа *ввалиться, втереться в доверие, набухать (соли в суп), околачиваться, переть, припереться, пробраться (к власти), хапать, шиньярь, вояж, зачинщик, сборище* и т. п.

Отметим еще одно различие между интерпретационными и оценочными словами. Интерпретационные слова свободно подвергаются отрицанию, а оценочные — затрудненно. Ср. *Он нас не подвел, Он не ошибается* (<не переоценивает своих возможностей>) при сомнительности, вне эксплицитного или имплицитного противопоставительного контекста, *Он не всучил ему свою книгу, Они не ютились в тесных каморках*. При наличии такого контекста употребление оценочного слова под отрицанием становится возможным; ср. *Они не ютились в тесных каморках, как мы* (об особенностях противопоставительного отрицания см. [Богуславский 1985: 61—82]).

Однако вследствие своей внутренней близости оценки и интерпретации могут легко совмещаться друг с другом в пределах одного глагола, образуя пересекающиеся классы предикатов; таковы, например, глаголы типа *клеветать, лакировать, обелять, очернять, приукрашивать* и т. п. Ср. следующее толкование:

Х клеветает на Y-а, говоря, что Y сделал P = ‘X сказал, что Y сделал очень плохое P; говорящий считает, что X знает, что Y не делал P; говорящий считает, что X сказал это, чтобы другие люди думали об Y-е плохо и чтобы X мог воспользоваться их плохим мнением об Y-е для достижения какой-то плохой цели; поэтому говорящий оценивает поступок Y-а очень плохо’. Как видим, в глаголе *клеветать* совмещаются интерпретация чьего-то высказывания (‘говорящий считает, что X сказал это, чтобы другие люди думали об Y-е плохо ...’) и отрицательная оценка этого высказывания.

3.3. Интерпретативы и глаголы поведения

Второй класс глаголов, близких к одновременно и к интерпретативам, и к оценкам, — глаголы поведения, такие как *артачиться, баловаться, безобразничать, бесчинствовать, буянить, геройствовать, дебоширить, дурачиться, дурить, жеманиться, капризничать, кривляться, ломаться, мажорничать, обезьянничать, озорничать, паясничать, привередничать, про-*

*казничать, ребячиться, скандалить, скоморошничать, сумасбродить, упрямиться, фиглярствовать, хулиганить, чудить, шалить*⁹ и т. п.

Для глаголов поведения очень характерна компаративность: когда мы определяем тип наблюдаемого поведения, мы часто делаем это путем его сравнения с поведением, типичным для какого-то класса людей. Поэтому многие такие глаголы являются формальными производными от названий людей, поведение которых имеет яркие характерные черты: *буянить, паясничать, ребячиться, скоморошничать, сумасбродить, фиглярствовать, хулиганить*; ср. также *обезьянничать*.

Семантическая специфика этих и других подобных глаголов коренится в самой идее поведения. Легко заметить, что среди поведений почти нет глаголов со значением положительной оценки. Это и естественно. Правильное поведение не замечается, замечаются почти исключительно отклонения от нормы. Заметим, что если человек *геройствует*, то, с точки зрения говорящего, это либо излишнее, ненужное геройство, либо эффектная поза.

В наивной этике поведения различаются, в самом первом приближении, три основных типа норм: нормы личного поведения (оно должно быть естественным, разумным и т. п.), нормы поведения с партнером (оно должно быть кооперативным) и нормы общественного поведения (оно должно быть цивилизованным, т. е. не нарушающим общественного порядка). В соответствии с этим класс поведений распадается на три подкласса; ср. *жеманится, кривляется, манерничает, паясничает, скоморошничает, фиглярствует* и т. п. (ведет себя неестественно); *артачится, капризничает, ломается, привередничает, упирается, упрямится* и т. п.¹⁰ (ведет себя некооперативно); *безобразничает, бесчинствует, дебоширит, озорничает, скандалит, хулиганит* и т. п. (ведет себя асоциально, нарушает общественный порядок).

Лексическое значение глаголов поведения расслаивается на ассерцию и модальную рамку, как это свойственно оценочным глаголам, а в модальной рамке включает в себя указание на квалификацию конкретного действия, как это свойственно интерпретативам. Ср. высказывания типа *Скинхеды бесчинствовали — крушили витрины, опрокидывали машины, избивали прохожих*, подводящие конкретные действия под некий тип отклонений от нор-

⁹ В упоминавшейся книге [Падучева 1996: 150] тоже выделен класс поведений, однако семантически он гораздо более широк и включает, помимо собственно поведений, несколько других классов, которые в нашей работе трактуются как интерпретативы (*ошибаться, пренебрегать*), оценочные глаголы (*болтаться, ломиться*), действия (*пачкать, прислуживать*), состояния (*бездействовать, унывать*) и занятия (*кокетничать, флиртовать*). Каждый из перечисленных классов характеризуется своим набором свойств.

¹⁰ Подробное описание этих глаголов дано в словарных статьях Т. В. Крыловой *капризничать* и *упрямиться*; см. [Крылова 2000а]. В ее же работе [Крылова 2000б] описан интересный класс «статусных» правил поведения.

мального поведения; в них сочинительная цепочка реализует валентность Р, см. толкования ниже.

Попытаемся наглядно представить особенности семантической структуры глаголов поведения на примере следующих двух толкований:

Х балуется = 'Невзрослый человек Х, вследствие своей живости или недостаточной дисциплинированности, совершает различные действия Р, от которых он получает удовольствие [ассерция]; говорящий считает, что Р немного нарушает нормы общественного или личного поведения и поэтому оценивает поведение Х-а слабо отрицательно [модальная рамка]'. Ср. *Пока дети баловались и свободно могли упасть - - -, мамы сидели на простынях и шумно переживали* (Ю. Домбровский);

Х хулиганит = 'Х совершает различные действия Р, которые мешают нормальному существованию других людей или опасны для них, хотя не угрожают их жизни [ассерция]; говорящий считает, что Р грубо нарушает нормы общественного поведения и что Х намеренно ведет себя таким образом; поэтому говорящий оценивает поведение Х-а резко отрицательно [модальная рамка]'. Ср. *Они хулиганили на улицах, обижали прохожих, совершали разные дикие выходы и вообще не умели себя вести* (Н. Носов).

Всякое поведение предполагает наблюдаемость того, что человек реально делает, причем о поведении обычно говорят тогда, когда видят ряд однотипных актов человека или другого живого существа на протяжении одного раунда наблюдения; ср. *артачиться, дебоширить, паясничать*. Поэтому поведения, в отличие от интерпретационных и большинства оценочных глаголов, свободно употребляются в актуально-длительном значении НЕСОВ. Ср. *Посмотри, как она кривляется* <*капризничает*>, *Перестань кривляться* <*капризничать*>, *Когда прибыла полиция, толпа все еще бесчинствовала* и т. п.¹¹

Из аспектуальных свойств, отличающих поведения от интерпретативов, отметим еще отсутствие у них форм СОВ. Между тем от подавляющего большинства интерпретативов, в силу перфективности их лексического значения, СОВ образуется совершенно свободно; ср. *бросить тень, выручить, согрешить, злоупотребить, покарать, оклеветать, покривить душой, помешать (кому-л.), нарушить дисциплину, обмануть, ошибиться, подвести (кого-л.), поддержать (директора), поощрить, поступить неправильно* <*правильно*>, *превысить полномочия, предать (кого-л.), пренебречь, распустить (кого-л.), распуститься, уронить себя, совершить преступление, потерять лицо, унизиться* и т. п.

Существуют и более тонкие различия между интерпретативами и поведениями. Интересны, например, различия в сочетаемости тех и других с начинательными и финитивными глаголами.

¹¹ Тем самым утверждение Е. В. Падучевой, что «у глаголов поведения НСВ не может иметь актуально-длительного значения» и что НАСТ у них — это «расширенное настоящее» [Падучева 1996: 150] нуждается в уточнении.

Прототипические интерпретативы не сочетаются с начинательным *приняться*. Можно сказать *Он стал злоупотреблять моим доверием* (мешать мне, нарушать дисциплину, обманывать родителей, ошибаться, поддерживать директора, поощрять молодых, потакать ему, пренебрегать своими обязанностями, унижаться), но не *Он принял злоупотреблять моим доверием* (мешать мне, нарушать дисциплину, обманывать родителей, ошибаться, поддерживать директора, поощрять молодых, потакать ему, пренебрегать своими обязанностями, унижаться). Между тем прототипические поведения относительно свободно сочетаются с обоими этими начинательными глаголами; ср. *Он стал* (принялся) *баловаться* (безобразничать, буянить, дурачиться, кривляться, ломаться, озорничать, паясничать, проказничать, ребячиться, скандалить, чудить, шалить). Объясняется это тем, что *приняться* + ИНФ обозначает начало актуального, разворачивающегося на наших глазах действия и поэтому семантически хорошо согласуется с поведением, но не с интерпретативами.

Аналогичным образом объясняются сочетаемостные предпочтения и в случае финитивных глаголов. Оба рассматриваемых класса предикатов относительно свободно сочетаются с финитивным глаголом *перестать*. Ср. *Когда вы перестанете злоупотреблять моим доверием* (потакать ему, пренебрегать своими обязанностями)?, *Он перестал мешать мне* (нарушать дисциплину, обманывать родителей, поддерживать директора, поощрять молодых); *Перестань баловаться* (безобразничать, буянить, героизмовать, дурачиться, кривляться, ломаться, озорничать, паясничать, проказничать, ребячиться, скандалить, фиглярствовать, хулиганить, чудить, шалить). Кроме того, некоторые поведения сочетаются с финитивным глаголом *бросить*, обычно в форме ПОВЕЛ. Этот глагол обозначает прекращение актуального, происходящего на наших глазах действия и поэтому, подобно глаголу *приняться*, семантически хорошо согласуется с поведением, но не с интерпретативами. Ср. *Брось героизмовать* (дурачиться, ломаться, паясничать, ребячиться, скандалить, фиглярствовать, чудить) при невозможности **Брось злоупотреблять моим доверием* (потакать ему, пренебрегать своими обязанностями), **Он бросил мешать мне* (нарушать дисциплину, обманывать родителей, поддерживать директора, поощрять молодых).

3.4. Интерпретативы и другие классы предикатов

Из определения интерпретационного значения следует, что оно хорошо развивается у тех глаголов, референты которых можно представить как состоящие из двух частей — какого-то конкретного действия или состояния, которое можно понять как знак или сигнал какого-то другого действия или состояния. По этому признаку с интерпретативами сближаются еще несколько классов глаголов. Я упомяну два таких класса — моментальные глаголы типа *прыгать*, которые, в отличие от моментальных глаголов типа *вспыхи-*

вать, описывают действия с подготовительными фазами, и глаголы со значением эмоциональных состояний, имеющих видимые внешние проявления.

Моментальные глаголы типа *прыгать* (ср. также *стрелять*, *ударять* и т. п.) сближаются с интерпретационными в употреблении, которое в [Апресян 1988: 68] было названо псевдопроцессуальным. Последнее имеет место в ситуации «опережения событий», когда реально выполняемое действие обозначается не своим собственным именем, а именем другого, еще только предстоящего действия. Ср. высказывания типа *Смотри, Бубка прыгает* в ситуации, когда знаменитый прыгун только вошел в сектор для прыжков или только начал разбегаться (подготовительные фазы), но самого прыжка еще не совершил. В данном случае вход в сектор для прыжков и / или разбег является для говорящего сигналом того, что за ним неизбежно последует и сам прыжок. Именно это дает ему основание назвать прыжком вход в сектор для прыжков или разбег. Как видим, в таких случаях объективное описание действительности заменяется ее интерпретацией говорящим.

Теперь посмотрим на глаголы эмоциональных состояний, имеющих видимые внешние проявления, такие как *беспокоиться*, *восхищаться*, *злиться*, *ликовать*, *смущаться удивляться* и т. п. Механизм их сближения с интерпретативами тот же самый, что и у моментальных глаголов. Очень часто, когда мы говорим, что человек *X беспокоится* (*боится*, *злится*, *ликует*, *смущается удивляется*), мы судим о его внутреннем состоянии R по некоторым конкретным и внешне наблюдаемым действиям или процессам P, в которых эти состояния обычно проявляются. Например, если человек *боится*, он бледнеет и съеживается, стараясь сделаться как можно менее заметным; если он *смущается*, на его щеках может появиться краска, а на лбу — испарина. *Ликование* проявляется в повышенной моторной активности, а *удивление* — в том, что он широко открывает глаза. Именно такие внешние проявления говорящий интерпретирует как сигналы определенных внутренних состояний человека.

4. Свойства интерпретационных глаголов

У интерпретативов есть немало интересных свойств, непосредственно мотивированных спецификой их значения.

В цитированной работе М. Я. Гловинской было, например, отмечено, что существует корреляция между интерпретационностью и интенциональной семантикой [Гловинская 1989: 114]. Наш материал полностью подтверждает это наблюдение. Корреляция между интерпретационностью и интенциональностью рельефнее всего обнаруживается у многозначных глаголов, интерпретационное значение которых является результатом метафорического переноса вида «наблюдаемое физическое действие» → «ненаблюдаемый акт». Достаточно взглянуть на такие глаголы, как *воскрешать*, *выгора-*

жить [\approx 'защитять'], *заваливать*, *промахнуться*, *топить*, *убивать* и т. п. В своих основных значениях (*воскресить павших в битве*, *выгородить сад*, *завалить вход в пещеру камнями*, *промахнуться при стрельбе*, *убить волка* и т. п.) они обозначают какое-то физическое действие и не являются интерпретационными. В переносных значениях они обозначают ненаблюдаемые акты и приобретают все свойства интерпретативов. Ср. *Напрасно вы его выгораживаете*; *Экзаменатор откровенно заваливал (топил) его, задавая все новые и новые вопросы*; *С выбором маршрута мы промахнулись*; *Вы воскрешаете меня этим известием*.

Интересны коммуникативно-просодические свойства интерпретативов, которыми они отличаются от семантически близких к ним путативных глаголов. В частности, интерпретативы могут нести главное фразовое ударение и выполнять функцию ремы высказывания. Ср. *Он \downarrow преувеличивает (\downarrow ошибается), говоря, что пьеса провалилась*; *Он \downarrow просчитался, поехав на автобусе при невозможности* (в нейтральном контексте) **Он \downarrow считает, что пьеса провалилась*.

Этот перечень можно было бы продолжать, но ниже мы коротко остановимся только на двух группах свойств интерпретативов – аспектуальных и синтаксических. На этом материале нагляднее всего проявляются мотивированные связи между семантикой и несобственно семантическими свойствами лексем.

4.1. Аспектуальные свойства

Первая особенность прототипических интерпретационных глаголов была уже отмечена. Это — внутренне присущая им перфективность, из-за которой у них отсутствует актуально-длительное, а иногда и другие процессные значения формы НЕСОВ НАСТ. Вследствие этого формы НЕСОВ и СОВ многих интерпретационных глаголов семантически сближаются друг с другом¹². Ср. *Вы клеветеете на него \approx Вы оклеветали его*, *Вы лжете \approx Вы солгали*, *Вы преувеличиваете мои заслуги \approx Вы преувеличили мои заслуги*. Ср. также следующий пример: *Антонина Александровна ошибалась, говоря, что Николай Николаевич на даче. Он вернулся в день приезда племянника и был в городе* (Б. Пастернак). В нем по смыслу допустима и форма СОВ ПРОШ (*Антонина Александровна ошиблась, говоря...*).

¹² В этом отношении интерпретационные глаголы похожи на глаголы некоторых физических, ментальных и речевых актов в следующих трех значениях формы НЕСОВ НАСТ: а) в значении «настоящего эмоциональной актуализации» [Бондарко 1971: 150 и сл.], ср. *Родного отца не замечает!* (\approx 'не заметил'); б) в «экспозиционном значении» [Galton 1976: 17], ср. *Пушкин изображает мелкопоместное дворянство* (\approx 'изобразил'); в) в значении «непосредственно предшествующего действия» [Гловинская 1989: 112], ср. *Нас приглашают к столу* (\approx 'пригласили'). Подробнее об этом сходстве см. цитированную работу М. Я. Гловинской.

Очевидно, что между перечисленными формами НЕСОВ и СОВ сохраняются и определенные семантические различия. Формы НАСТ НЕСОВ подчеркивают либо «актуальность обобщения в момент речи» [Гловинская 1989: 114], либо актуальность в момент речи того конкретного действия, которое является предметом интерпретации. Первое имеет место при употреблении формы НЕСОВ НАСТ в узуальном или многократном значении (ср. *Он постоянно нас подводит*), а второе — при ее референции к моменту речи (*Вы опять нас подводите*). Однако присущая интерпретационному значению перфективность делает свое дело, и по крайней мере неточная синонимия форм здесь возникает.

По указанной причине от прототипических интерпретационных глаголов не образуются производные, в значение которых входит представление о длительности действия. Иными словами, у них нет делимитатива (производных на *по-* типа *поработать, погулять*), пердуратива (производных на *про-* типа *проработать, прогулять (два часа)*), завершительного «способа действия» (производных на *от-* типа *отгулять (свой отпуск), отсидеть (свой срок)*) и терминативного «способа действия» (производных на *до-* типа *догулять (свой отпуск), досидеть (свой срок)*).

Соответственно интерпретативы не сочетаются с наречиями длительности типа *долго, недолго*.

Перфективность лексического значения интерпретационных глаголов объясняет и тот факт, что в форме НЕСОВ многие из них предрасположены к употреблению в общефактическом результативном и многократном значениях. Ср. *Я тогда ошибался, Он нас ни разу не подводил*. Соответственно они свободно сочетаются с наречиями кратности типа *часто, редко, иногда, всегда*; ср. *Он часто (всегда) нас подводит*.

Отметим еще, что в форме НЕСОВ НАСТ они неспособны употребляться в профетическом и потенциальном значениях НЕСОВ. Объясняется это, по-видимому, тем, что такое употребление невозможно для вершинного компонента ассерции, а именно, глагола *считать* (ср. начало ассертивной части толкования — ‘говорящий считает, что, сделав Р, X нарушил норму...’).

Из аспектуальных значений формы СОВ они обычно выбирают ее основное значение, т. е. результативное конкретно-фактическое. Некоторые частно-видовые значения формы СОВ, например, потенциальное и наглядно-примерное, для них нехарактерны.

4.2. Синтаксические свойства

Наиболее ярким синтаксическим свойством интерпретационных глаголов являются необычные, а иногда и уникальные способы выражения валентности Р. Таковы: а) форма ДЕЕПР глагола со значением конкретного действия или состояния, ср. *Он обманывается, думая, что жена его любит; Он просчитался, поехав на автобусе; Вы преувеличиваете, говоря, что пьеса провалилась*; б) придаточные предложения, вводимые союзами *если*

или *когда*, ср. *Вы ошибаетесь, если рассчитываете на его поддержку*; *Вы преувеличиваете, когда говорите, что пьеса провалилась*; в) сочинительные цепочки, образующие разъяснительную конструкцию, подчиненную данному интерпретативу; ср. *Девушка мешала ему вести машину — без умолку тараторила, вертелась, хватала за руку*; г) псевдосочинительные цепочки вида *P* и тем самым *R*, ср. *Он опоздал и тем самым всех подвел*; д) псевдосочинительные цепочки вида *R* и стал *P*, ср. *Он совсем распоясался и стал приставать к женщинам*; е) разговорные конструкции с анафорическими сентенциальными местоимениями типа *это*, *тут*, отсылающими к конкретному действию *P*, ср. *Это ты погорячился*, *Тут ты оплошал*.

Обратим внимание на то обстоятельство, что в контексте интерпретатива ни форма ДЕЕПР, ни *если-* и *когда-*предложения не выражают обычно присущих им значений одновременности, условия, времени и т. п. Например, в предложении типа *Вы ошибаетесь, если рассчитываете на его поддержку* ожидание поддержки, конечно, не рассматривается как условие ошибки. Когда такие элементы реализуют валентности предикатного слова, происходит, как всегда при управлении, их частичная десемантизация. Именно этим объясняется тот факт, все три конструкции оказываются трансформируемыми друг в друга. Ср. *Вы ошибаетесь, если рассчитываете на его поддержку* \approx *Вы ошибаетесь, рассчитывая на его поддержку*, *Вы преувеличиваете, когда говорите, что пьеса провалилась* \approx *Вы преувеличиваете, говоря, что пьеса провалилась*.

Интересным синтаксическим свойством интерпретативов является неспособность употребляться во вводной конструкции; ср. неправильность **Пьеса провалилась, ошибался (заблуждался) он, исключительно из-за плохой режиссуры*. Этим, кстати, они отличаются от семантически близкого к ним класса путативных глаголов, для которых вводная функция весьма характерна. Ср. *Пьеса провалилась, считал (думал) он, исключительно из-за плохой режиссуры*.

5. Переходные случаи

Все сказанное выше относится к прототипическим интерпретативам. Следует, однако, иметь в виду, что семантическое пространство языка непрерывно (хотя в нем есть и лакуны) и что поэтому реальный языковой материал структурирован менее четко или, может быть, более сложно, чем это предполагается данным выше описанием. На самом деле во многих случаях приходится говорить не об интерпретационных и неинтерпретационных глаголах, а о доле интерпретационности в значении конкретного глагола.

Так обстоит дело, например, в парах близких по смыслу или синонимичных лексем *выручать* — *помогать*, *выгораживать* — *защищать*, *карать* — *наказывать*. В силу своей большей интенциональности *выручать*, *выгораживать* и *карать* — более интерпретационные глаголы, чем *помогать*, *за-*

щищать и *наказывать*. *Помогать*, *защищать* и *наказывать* легко ассоциируются с какими-то конкретными наблюдаемыми физическими действиями и поэтому свободно употребляются в актуально-длительном значении. Ср. *Посмотри, дети помогают матери накрывать на стол* (защищают хромого вороненка от собаки). *Наказывать* приобретает такую способность в ситуации телесных наказаний, как в следующем примере из А. Битова: *А учитель все бил и бил, приговаривая: «Не смей этого делать! Это грех! Ты будешь наказан!»*. Будто он не наказывал, а всего лишь бил. Ни *выручать*, ни *качать* не допускают употребления в актуально-длительном значении, а для *выгораживать* оно явным образом затруднено¹³.

Различия в степени интерпретационности могут объясняться не только различиями в степени физической наблюдаемости действия, как в рассмотренных выше примерах, но и различиями в степени внутренней перфективности глагола. В паре *ошибаться* — *зablуждаться* более перфективен первый глагол. Он обозначает нечто среднее между ментальным состоянием и ментальным актом. Поэтому у него есть форма СОВ и для него возможны результативные употребления в форме НЕСОВ; ср. *Он снова делает прогноз и снова ошибается*. Глагол *зablуждаться*, обозначающий чистое состояние, без всякого намека на ментальный акт, лишен формы СОВ и невозможен в результативных контекстах типа **Он снова зablуждается*. Поэтому для *ошибаться* актуально-длительное осмысление в форме НЕСОВ НАСТ совершенно исключено, а для *зablуждаться* допустимо; ср. *Вы по-прежнему* (все еще) *зablуждаетесь* = ‘по-прежнему (все еще) пребываете в состоянии зablуждения’.

При прочих равных условиях глагол, допускающий интерпретацию одного конкретного действия (ср. *ошибаться*, *совершить преступление*), обладает большей степенью интерпретационности по сравнению с глаголом, с помощью которого можно интерпретировать лишь какую-то сумму или последовательность действий. В этом отношении интересен глагол *баловать*.

X балует Y-a = ‘Человек X постоянно делает различные P, удовлетворяющие желания Y-a, разрешает Y-y делать то, что тот хочет, даже если он не должен этого делать, и не делать того, что Y не хочет, даже если он должен это делать; говорящий считает, что P относятся к классу действий, от которых Y может стать хуже’.

Как видим, одно критическое свойство — квалификация конкретного действия как относящегося к определенному типу действий — у глагола *баловать* есть. Существенно, однако, что квалифицируется не единичное конкретное действие, а сумма действий, что делает *баловать* менее интерпретационным, чем, например, близкий к нему глагол *портить* (ребенка).

¹³ О корреляции между наблюдаемостью действия и возможностью употребления соответствующего глагола в актуально-длительном значении см. [Золотова 1973: 346].

Видимо, этим объясняется отсутствие у *баловать* такого существенного для интерпретационных глаголов свойства, как способность реализовать валентность Р формой ДЕЕПР, а также то, что предикат Р образует у него не presupпозицию, а ассерцию.

Из сказанного следует, что степень интерпретационности может измеряться объективно — количеством свойств прототипического интерпретатива, которое обнаруживается у данного глагола. Иными словами, здесь, как и в других областях лингвистики, ценность представляет не столько классификация языковых единиц сама по себе, сколько набор признаков, по которым каждая единица попадает в различные пересекающиеся классы.

Литература

- Апресян 1988 — Ю. Д. Апресян. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1988. С. 57—78.
- Апресян 1997 — Ю. Д. Апресян. Лингвистическая терминология словаря // Ю. Д. Апресян, И. О. Богуславская и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997. С. XVI—XXXIV.
- Апресян 1999 — Ю. Д. Апресян. Интерпретационные глаголы — группа *ошибаться* // W zwierniadle języka i kultury. Pod redakcją Jana Adamowskiego, Stanisławy Niebrzegowskiej. Lublin, 1999. S. 309—332.
- Апресян 2003 — Ю. Д. Апресян. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействия: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2003. С. 7—21.
- Арутюнова 1988 — Н. Д. Арутюнова. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М., 1988.
- Богуславский 1985 — И. М. Богуславский. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Бондарко 1971 — А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. Л., 1971.
- Булыгина 1982 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7—85.
- Вопросы 1962 — Вопросы глагольного вида. Сборник / Сост. сб., ред., вступ. ст. и примеч. проф. Ю. С. Маслова. М., 1962.
- Гловинская 1982 — М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 1986 — М. Я. Гловинская. Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1986.
- Гловинская 1989 — М. Я. Гловинская. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. М., 1989. С. 74—146.
- Гловинская 2001 — М. Я. Гловинская. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.

- Зализняк 1991 — А. А. Зализняк. *Считать и думать: два вида мнения* // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 187—194.
- Золотова 1973 — Г. А. Золотова. *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. М., 1973.
- Князев 1989 — Ю. П. Князев. *Акциональность и стательность: их соотношение в русских конструкциях с причастиями на -н, -т*. München, 1989.
- Кошмидер 1962 — Э. Кошмидер. *Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза* // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 105—167.
- Крылова 2000а — Т. В. Крылова. *Словарные статьи капризничать, упрямитесь* // Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова и др. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Вып. 2 / Под общ. рук. академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 165—167, 374—378.
- Крылова 2000б — Т. В. Крылова. *Статусные правила в наивной этике* // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна / Под ред. Л. Л. Иомдина и Л. П. Крысина. М., 2000. С. 122—127.
- Маслов 1948 — Ю. С. Маслов. *Вид и лексическое значение глагола в русском языке* // Изв. АН СССР, СЛЯ, 1948. № 4. С. 303—316.
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. *Семантические типы предикатов и значение всегда* // Семиотика и информатика, 1985. Вып. 24. С. 96—116.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. *Семантические исследования. Семантика вида и времени в русском языке. Семантика нарратива*. М., 1996.
- Санников 2003 — А. В. Санников. *Словарная статья достоинство* // Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, О. Ю. Богуславская и др. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Вып. 3 / Под общ. рук. академика Ю. Д. Апресяна. М., 2003. С. 95—100.
- Селиверстова 1982 — О. Н. Селиверстова. *Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка* // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 86—157.
- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge, 1976.
- Galton 1976 — H. Galton. *The Main Functions of the Slavic Verbal Aspect*. Skopje, 1976.
- Guiraud-Weber 1988 — M. Guiraud-Weber. *L'aspect du verbe russe*. Aix-en-Provence, 1988.
- Lakoff 1970 — G. Lakoff. *Irregularity in syntax*. N. Y.; Chicago, etc. 1970.
- Lyons 1977 — J. Lyons. *Semantics*. Vol. 2. Cambridge; London etc., 1977.
- Mehlig 1981 — H. R. Mehlig. *Satzsemantik und Aspektsemantik im Russischen (Zur Verbklassifikation von Zeno Vendler)* // Slavistische Beiträge, Bd. 147, 1981. S. 95—151.
- Miller 1970 — J. Miller. *Stative Verbs in Russian* // Foundations of Language, 1970. No. 4. P. 488—504.
- Vendler 1967 — Z. Vendler. *Verbs and times* / Z. Vendler. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, 1967. P. 97—121.